

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ*

Соколова Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sokolovatd@gmail.com

Историческая эпистемология как самостоятельная философская дисциплина начинает формироваться во французской академии в начале XX века, а уже к его середине развивается настолько, что вытесняет собой другие типы эпистемологий, которым удается взять реванш только в конце 1980-х гг. Однако эпистемология во Франции зачастую рассматривается историками философии и социологами в качестве «маргинальной» дисциплины, по сравнению с другими направлениями философских исследований. В фокусе исследования находится формирование французской версии исторической эпистемологии как философской дисциплины в исторической перспективе, которое включает в себя не только признанных мэтров данного направления, но и фигур второго порядка, связанных с развитием этого течения философской мысли. В настоящей статье мы постараемся показать, что историческая эпистемология, по крайней мере, генетически находится в общем тренде развития философии науки, формировавшемся с XIX века и вполне может претендовать на то, чтобы считаться «нормальной» версией эпистемологии и/или философии науки.

Ключевые слова: историческая эпистемология, французский стиль эпистемологии, Леон Брюншвик, Эмиль Мейерсон, Гастон Мило, Абель Рей, Гастон Башляр, Жорж Кангилем

HISTORICAL EPISTEMOLOGY IN FRANCE: TO THE HISTORY OF THE DISCIPLINE'S FORMATION

Tatiana D. Sokolova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sokolovatd@gmail.com

As an independent philosophical discipline, historical epistemology had been forming in the French Academy from the early 20 century and to its middle developed to the point where it left behind other types of epistemologies, which succeeded to take revenge only in the late 1980s. However, historians and sociologists often consider French historical epistemology as a “marginal” discipline, compared to other areas of philosophical research. The focus of the study is the formation of the French version of historical epistemology as a philosophical discipline in the historical perspective, which includes not only recognized *Maîtres* of this direction, but also secondary figures associated with the development of this trend of philosophical thought. In the article we will try to demonstrate that historical epistemology, at least genetically, belongs to the general trend in the development of the philosophy of science, formed from the XIX century, and may well claim to be considered a “normal” version of epistemology and/or philosophy of science.

Keywords: historical epistemology, French style in epistemology, Léon Brunschvicg, Émile Meyerson, Gaston Milhaud, Abel Rey, Gaston Bachelard, Georges Canguilhem

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00281 «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

Введение

Если в истории эпистемологии когда-то и был период, в котором она представляла собой единое и гомогенное поле философских исследований познания, то на настоящий момент эпистемология как академическая дисциплина представляет собой целую плеяду разнонаправленных подходов, каждый из которых претендует на уникальность и приоритет в объяснении природы, структуры, границ и развития познавательного процесса. В то же время, нельзя не отметить, что эти подходы, если и не находятся в состоянии прямой конфронтации друг с другом, все же концентрируются вокруг двух неравных полюсов. К первому полюсу, который мы обозначим как мейнстримовый, относятся направления эпистемологии и философии науки, либо генетически наследующие логическому позитивизму, либо возникшие в качестве критической реакции на него. Ко второму, маргинальному полюсу, мы отнесем те течения эпистемологической мысли, которые развивались вне воздействия философии логического эмпиризма. В качестве основных характеристик первого полюса можно назвать следующие: тяготение к формальному (не-историческому) характеру исследований, склонность к унификации предмета исследования (философия *науки* вместо философии отдельных научных дисциплин), наследование спектра проблем и терминологии, закрепившийся благодаря логическому эмпиризму¹.

Отличительной особенностью исторической эпистемологии в контексте современных философских дискуссий является ее перманентная проблематизация и маргинализация. Это характерно как для зарубежных [Feest, Sturm, 2011]², так и отечественных [Шиповалова, 2017; Гавриленко, 2017; Столярова, 2018] исследований. В то время как направления эпистемологии, так или иначе имеющие своим истоком философию логического позитивизма, занимают позицию, которую, пользуясь терминологией Томаса Куна, можно охарактеризовать как «нормальная эпистемология», представители исторической эпистемологии, напротив, постоянно отстаивают право своей дисциплины на существование и пытаются определить и переопределить ее статус среди других направлений эпистемологии.

¹ В качестве примера здесь можно привести закрепившееся определение различия между аналитическими и синтетическими высказываниями.

² Это лишь одна из статей в номере журнала *Erkenntnis*, посвященного исторической эпистемологии и включившего работы таких известных исследователей как Мартин Куш, Мери Тайлз, Майкл Фридман, Филип Китчер и др. Данный номер является, пожалуй, одним из наиболее полных мета-исследований исторической эпистемологии. В то же время, заголовок номера – “*What (good) is historical epistemology?*” – наглядно демонстрирует, что, несмотря на многочисленное количество работ в данной области, историческая эпистемология до сих пор остается если не маргинальной, то, как минимум, специфической сферой эпистемологических исследований.

Здесь нам хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое, на наш взгляд, способно пошатнуть статус не-исторических эпистемологий: **философия науки и история науки генетически связаны друг с другом**. Первые проекты философского осмысления научного знания, будь то проект позитивистской философии Огюста Конта или противостоящий ему «идеалистический» проект философии науки Уильяма Хьюэлла основывались именно на истории науки. Как только у науки появляется своя история, она начинает требовать философского осмысления. Полувековое забвение истории науки в англоязычных исследованиях выглядит здесь, по меньшей мере, удивительным.

Мы предлагаем рассмотреть историческую эпистемологию в ее французской версии исходя из этой перспективы, то есть, как наследницу философии науки XIX века, где философия науки основывается на ее истории. Таким образом, историческая эпистемология в ее французской версии, равно как и более поздние течения исторической эпистемологии, представляют собой не маргинальную дисциплину и историческую аномалию, а закономерное продолжение изначального проекта философии науки.

Исследования исторической эпистемологии во Франции

История философии во французской академии – и в этом ее сходство с отечественной философской традицией – доминирует над непосредственно философскими исследованиями как в рамках научных публикаций [Пэнто, 2004, с. 206], так и в рамках университетских курсов, большинство из которых строятся по историческому, а не систематическому принципу. Хотя этот факт и вызывает недовольство ряда философов, полагающих, что исторические исследования вытесняют философию, которая не должна быть сведена к собственной истории [Engel, 2002], нельзя не отметить методологическое разнообразие и теоретическую проработанность историко-философских исследований, публикующихся во Франции (об этом см., напр. [Кротов, 2017]).

Наиболее продуктивными для интересующего нас предмета нам представляются две методологические программы: (1) социологическая: анализ философского поля Франции последователями Пьера Бурдьё (социологический подход); (2) теоретическая, к которой можно отнести, в частности, концепцию «французского стиля» в эпистемологии Жана-Франсуа Бронштейна и критику исторической эпистемологии со стороны французских представителей аналитической

философии (Паскаль Анжель, Клодин Тьерселан, Франсуа Реканати и др.). Каждый из этих подходов имеет как свои преимущества, так и свои недостатки:

(1) Представители социологического подхода к исследованию академической философии во Франции (в частности, Луи Пэнто, Жан-Луи Фабиани и Шарль Сулье) на большом эмпирическом материале наглядно демонстрируют положение исторической эпистемологии в рамках общего философского поля французской академии. Отталкиваясь от анализа структуры и тематики университетских курсов, научных публикаций и карьерных стратегий философов, социологи школы Бурдьё выявляют маргинальный характер исторической эпистемологии (или философии науки) в рамках академической философии в целом: «История и философия науки мало привлекает философов, и к тому же большая часть их публики не принадлежит к философскому полю. Эти специальности занимают очень скромное место в учебных программах подготовительных классов и университетов, так же как и в программах конкурсов на звание агреже» [Сулье, 2004, с. 165]. Исходя из общей расстановки сил на философском поле, где доминируют историко-философские исследования, закреплены канон «классических» авторов и строгая иерархия тем исследований, социологи науки объясняют индивидуальные карьерные траектории исторических эпистемологов: «Философия, вопреки тому, что кажется, не накладывает ограничения на науки и более не предписывает способы действия, но продолжает держать за собой те территории, на которых она сохраняет легитимирующую силу, в частности, психологию и социологию. Доминирование новой версии спиритуализма во французской философии помогает объяснить, почему философия науки часто становилась предметом исследования маргиналов и иммигрантов, как, например, Эмиль Мейерсон и Александр Койре» [Fabiani, 2010, p. 245–246]. Таким образом, маргинальное положение исторической эпистемологии, с одной стороны, не позволяет ей доминировать в количественных показателях (публикации в журналах, учебные курсы, кафедры и т. д.), а с другой – оставляет пространство для свободного выбора тем для философской рефлексии, привлечения новых исследователей и создания своего собственного канона «классиков», и не считается при этом с количественно преобладающими направлениями академической философии.

Несмотря на привлекательность социологического подхода и аргументированность его выводов, нельзя не отметить его существенный недостаток. Концентрируясь на «внешних» критериях развития дисциплины, такой подход не способен объяснить содержание теорий исторических эпистемологов, то есть, ответить на вопрос: почему именно история науки становится основным конститутивным элементом эпистемологии, и, более того, значение истории для философии науки увеличивается с развитием дисциплины?

(2) В рамках теоретического подхода к исследованиям французской исторической эпистемологии на первый план выходит содержание философских теорий, а не их институциональная реализация. В качестве преимущества такого подхода можно назвать выстраивание линий теоретической преемственности философов и их концепций в рамках самой исторической эпистемологии. В классической работе Доминика Лекура [Lecourt, 1978], которая во многом задала марксистский тон последующим исследованиям французской исторической эпистемологии (подробнее об это см. [Braunstein, 2012]), закрепляется триада «Башляр – Кангилем – Фуко» в качестве основополагающей для *традиции* исторической эпистемологии. Взяв за основу данную триаду, Жан-Франсуа Бронштейн формулирует концепцию «французского стиля» в эпистемологии: эпистемология по-французски представляет собой «философскую рефлексию над историей науки» [Braunstein, 2002]. Понятие *традиции*, предложенное Лекуром, заменяется на более гибкое понятие *стиля*, так как оно позволяет включить в «эпистемологию по-французски» тех мыслителей, кто не может быть включен в традицию, но разделяет ее содержательные и методологические основания (например, Яна Хакинга или Питера Гэлисона). Среди других значимых для нас работ стоит отметить [Gutting, 2001], где историческая эпистемология вписывается в более широкий контекст французской философии XX века, и [Chimisso, 2008], посвященную философии сознания во Франции, в которой исследуются отдельные аспекты концепций таких философов науки как Леон Брюнsvик, Эмиль Мейерсон и других.

В качестве недостатка теоретического подхода можно указать на тот факт, что большинство исследований здесь базируется на анализе работ триады «Башляр – Кангилем – Фуко» и ряда «философов-сателлитов», которым уделяется довольно мало внимания, в то время как именно их труды и академические позиции часто выходят на первый план в исследованиях представителей социологического подхода. Внимание на «классической триаде», в то же время, характерно и для критиков французской версии исторической эпистемологии со стороны французских аналитических философов. Так в ряде работ Паскаля Анжела, доминирование исторической эпистемологии в версии Гастона Башляра в совокупности с неприятием философии логического эмпиризма приводит к тому, что философия во Франции оказывается за бортом общемировой (то есть, аналитической) философии.

В нашем анализе мы попытаемся объединить социологический и теоретический подходы к исследованию становления исторической эпистемологии во Франции, чтобы наиболее полно, насколько это позволяет объем настоящей статьи, показать ее (1) преемственность традиции философии науки XIX века и (2) тот факт, что именно историческая, а не формальная эпистемология имеет право претендовать на статус «нормальной» эпистемологии и/или философии науки.

Эпистемология «по-французски»: проблема определения

Термин «эпистемология» входит в английский философский лексикон в середине XIX века [Fertier, 1854, p. 46] и постепенно вытесняет более привычный термин «теория познания», а уже оттуда попадает во французскую философию. В то же время, значение термина «эпистемология» в английском и французском языках не идентично. Как пишет исследователь французской исторической эпистемологии Пьер Вагнер «Сегодня во французском языке слово “эпистемология” используется иногда как синоним “философии науки”, иногда, чтобы обозначить “французский стиль” философии науки, а иногда – как перевод *epistemology*» [Wagner, 2002, p. 42].

Впервые во французском языке термин «эпистемология» появляется в 1901 году в послесловии Луи Кутюра к переводу работы Бертрана Рассела “*An Essay on the Foundations of Geometry*” (1897): «Эпистемология (Англ.: *Epistemology*) – термин, этимологически обозначающий «теорию науки», соответствует немецкому *Erkenntnisstheorie* или *Erkenntnislehre* (теория познания), во французском соответствует выражению философия наук. [...] В итоге, эпистемология – это теория познания, основанная на критическом исследовании знания, или, одним словом, Критика, в том виде, в котором ее изложил и обосновал Кант» [Couturat, 1901, p. 257]. Несколькими годами позднее этот термин использует Эмиль Мейерсон в качестве синонима философии науки [Meuseron, 1908, p. i].

Впоследствии именно предложенное Мейерсоном употребление термина «эпистемология» закрепляется в наиболее авторитетном философском словаре под редакцией Андре Лаланда (1-е издание вышло с 1902 по 1923 гг.): «это, в сущности, критическое исследование принципов, гипотез и результатов различных наук, направленное на определение их логического (а не психологического) происхождения, их ценность и объективную значимость. [...] Английское слово *epistemology* часто используется (вопреки своей этимологии) для обозначения того, что мы называем “теория познания” или “гносеология”. Во французском языке правильное употребление [этого термина] относится только к философии науки, как она определена в данном словаре, и философской истории науки» [Lalande, 2010, p. 293].

Фигура Эмиля Мейерсона, несмотря на радикальную и зачастую предвзятую критику Гастона Башляра, а также внешнее по отношению к сложившейся академической модели положение, становится знаковой для формирования исторической эпистемологии: «он был практически самоучкой в области естественных наук и никогда не занимал университетских должностей. Тем не менее, корпус его произведений

был сразу же воспринят университетскими философами, причем так, что он стал архетипическим “философом”, каким его описал Башляр в своих критических комментариях. Очень часто отмечают, насколько тяжело французская университетская система признавала индивидуальные работы тех, кто не следовал национальным курсом образования и признания. Полученный Мейерсоном радушный прием, представляющий собой явную аномалию, демонстрирует весь тот вакуум, в котором находится вопрос о науке в первые годы XX века» [Fabiani, 2010, p. 249]. Сравнительно небольшое количество работ по философско-научной проблематике, равно как и практическое отсутствие академической конкуренции, позволило сформировать круг исследователей, не следующих стандартным курсом академической философии. Понимание под эпистемологией исследований в области философии науки, которому французская философия обязана Мейерсону, закрепляется благодаря его основному критику – Гастону Башляру. Таким образом, во французской философии предмет исследования эпистемологии как дисциплины был ограничен исключительно научным познанием. А добавление к этому истории науки привело к тому, что: «В XX веке под влиянием Брюнсвика, Башляра и Кангилема, термин “эпистемология” стал обозначать историческое исследование наук, а иногда и саму историю науки, взятую в противопоставлении идее общей теории познания, которую подозревали в том, что она предлагает нормативную эпистемологию, игнорирующую исторические реалии и имплицитно содержит программу унификации наук, сходную с программой логического позитивизма» [Engel, 2005, p. 8–9].

Точно такое же словоупотребление фигурирует и в современных учебных пособиях по эпистемологии, где эпистемология по-французски противопоставляется эпистемологии в ее англоязычной версии: «Франкофоны понимают слово “эпистемология” в более узком смысле: они используют его для определения рефлексии исключительно над научным познанием, сохраняя выражение “теория познания” для исследования познания в целом (научного и ненаучного)» [Soler, 2009, p. 16].

Расхождение в понимании эпистемологии между франкофонными и англоязычными исследователями начинает преодолеваться с так называемого «исторического поворота», начатого работами Томаса Куна. С одной стороны, это обстоятельство сделало возможным диалог между двумя эпистемологиями, с другой стороны – вызвало недоумение у французских эпистемологов, для которых неформальный подход к эпистемологии, равно как исследования науки в исторической перспективе были привычными, а не новаторскими, а потому поверхностность подхода Куна не осталась незамеченной (см. [Russo, 1974])³.

³ Отметим, что из французских эпистемологов Томас Кун ссылается на Пьера Дюгема, Эмилия Мейерсона и Александра Койре. Об этом см. [Laugier, 2006, p. 6].

В связи с этим для понимания специфики французской версии исторической эпистемологии нам представляется важным ответить на два вопроса, которые потребуют обращения как к теоретическому, так и социологическому подходам к исследованию французской философии: (1) почему именно история науки стала основанием и критерием для эпистемологии? и (2) **какие институциональные структуры способствовали закреплению данного понимания?**

Историческая эпистемология как проект научной философии

В первую очередь мы постараемся ответить на второй вопрос. Философия науки в качестве самостоятельной дисциплины, по наблюдениям социологов философии, выкристаллизовывается из локального кризиса самоопределения философии в целом: «В конце XIX века вопрос о специфике философского дискурса оказывается в центре дебатов: философы посвящают значительную часть своего времени тому, чтобы попытаться определить место своей дисциплины в отношении религии, литературы и наук». [Фабиани, 2004, с. 109] **Именно в этот период формируется основной лейтмотив работ французских исторических эпистемологов:** «уже около века [...] философия отстраняется от науки и не интересуется ее прогрессом» [Couturat, 1896, p. VIII].

Кризис самоопределения философии, связанный с ее изоляцией от естественнонаучных дисциплин, развитие которых пошатнуло академический статус философии в качестве науки всех наук, занятие которой не требует дополнительных квалификаций, привел к дискуссиям о необходимости введения дополнительных образовательных дисциплин, направленных на знакомство преподавателей философии как с современной наукой, так и с ее историей. «В 1895 году Фредерик Раух обращает внимание на “нынешнюю недостаточность научного образования преподавателей философии” и подчеркивает, что было бы полезно попытаться исправить подобное положение. [...] Полумера, предложенная Раухом, состоит в том, чтобы обеспечить “философское научное образование”, у которого тройная цель: “познакомить с самыми важными результатами фундаментальных наук, приобщить к пониманию методов и к духу актуальной науки и внести ясность в хрестоматийное изложение вопросов, демонстрируя историю их развития”. Раух подчеркивает, что образование этого типа – сугубо начальное, поскольку оно не требует предварительных научных знаний; он называет его “начальным высшим образованием”. Странное соединение начального и высшего является признаком того, что неко-

торые философы ощущают бессилие от своего научного невежества: отныне в венценосной дисциплине обнаруживаются зазоры» [Фабиани, 2004, с. 110].

Философия позитивизма и вовлечение в философию исследователей, обладающих компетенциями в сфере «позитивных» наук, с одной стороны, указало на расхождение между академической философией и естественными науками, а с другой – потребовало пересмотра компетенций, которые требуются от философов. «Обычное образование философов не включает в себя ни научной практики, ни, строго говоря, инициации. В конце XIX века были попытки интегрировать в философское образование минимальные отсылки к естественнонаучным дисциплинам (требование бакалавриата по естественным наукам или сертификат о прохождении естественнонаучного университетского образования для получения разрешения на участие в конкурсе агреже). Клич Башляра о том, что философы должны пройти школу естественных наук, проявляет себя и здесь. Это институционально указывает на не-самодостаточность философского рассуждения. Вопрос о естественнонаучных компетенциях философа становится в течение XX века темой педагогических дебатов» [Fabiani, 2010, p. 246].

Важно отметить, что как и в лишении философией статуса венценосной дисциплины, так и возвращении интереса к науке со стороны философов во Франции основную роль сыграло движение позитивизма, сначала в версии его основателя – Огюста Конта, а затем и его последователей [Brenner, 2006]. Именно философия позитивизма не только делает науку одним из главных предметов философских исследований, но закрепляет за ней «ведущую роль во временной и духовной организации человечества» [Parodi, 1930, p. 7]. Именно Огюсту Конту принадлежал проект создания кафедры общей истории наук в Коллеж де Франс, который он пытался реализовать с 1832 года, и который был завершён только в 1892 году последователем Конта Пьером Лаффиттом [Petit, 1995].

Второй институциональной организацией, из которой впоследствии вышли основные представители исторической эпистемологии, стала кафедра истории философии в ее связи с науками под руководством Гастона Мило на базе *Faculté des Lettres de Paris*, бывшая кафедра вспомогательных исторических наук. Создание кафедры, равно как и философский проект Гастона Мило, считается официальным закреплением истории науки в качестве самостоятельной дисциплины во французской академии, причем в качестве «философской истории науки» [Brenner, 2005, p. 447]. С 1919 года кафедру возглавляет Абель Рей, который совместно с Элен Мецжер в 1931 году создает Французскую группу историков науки, которая годом позже образует Институт истории наук (впоследствии – Институт истории и философии науки и техники). Основная задача института – преодолеть

разрыв между учеными и гуманитариями и создать такое пространство, где они могли бы работать совместно [Braunstein, 2006, p. 175]. В 1937 году Институт публикует свою образовательную программу дипломов, в которой обучающимся предлагается выбор двух опций: «А. Общая история наук: их отношения с историей человеческой мысли, и в особенности с историей логической мысли и ее методами. Б. История великих научных теорий: новые аспекты науки – их историческая последовательность и философские интерпретации, их отношения с историей философии, логикой и общей историей цивилизации» [Braunstein, 2006, p. 179–180].

По замечанию Абея Рея в его ранней работе «Современная философия» (первое издание – 1908 г.): «**наиболее важной** причиной разрыва между философией и наукой является, без сомнения, та премия, которую философия стала давать невежеству, ибо вследствие успехов знания, знакомство с наукой становилось все более и более трудным. Стать философом сделалось очень легко. Мир внутренний, моральный, относительно которого сведения наши вообще и в особенности сведения точные весьма скудны, дал удобный повод для бесконечной болтовни. Если случайно какой-либо ученый высказывал свое изумление по поводу того, что столько блестящих формул покоится на зыбком песке, то ему немедленно отвечали, что его методы, его потребность в точности, его критерий – все это хорошо для утилитарных и вульгарных исследований» [Рей, 2010, с. 20]. Преодоление разрыва между философскими и научными исследованиями, в том числе, посредством изменения системы философского образования и увеличения взаимодействия между философами и учеными – проект, начатый Реем еще в его ранних работах, стал не только программным теоретическим проектом, но и обрел свою институциональную организацию.

Как и кафедра истории философии в ее связи с науками, так и Институт истории наук стали инструментами подготовки философов новой квалификации, предлагая альтернативу сложившейся в академической философии ситуации, когда от философа не требуется знание современных естественнонаучных теорий, а философские исследования науки, в основном, представляют собой краткую историю научной методологии: «Относительное равнодушие философии к наукам в процессе их становления ясно проявляется в программе философского образования: логика, понимаемая как методология, не относится с необходимостью к научным практикам, потому что она полностью посвящена поиску критерия истинности, независимого от исторических условий производства высказываний. Именно это объясняет, что в учебниках по философии периода Третьей Республики, когда речь заходит о науке, больше всего отсылок к Аристотелю и Бэкону: существует более или менее неизменный корпус цитат, которые

можно найти практически везде. Философский дискурс о науке остается одним из наиболее неподвижных. Из ядра философской рефлексии над наукой следует, что научное сообщество остается инертным, ведомым исключительно правилами метода и нечувствительным к истории: наука не знает случайностей» [Fabiani, 2010, p. 244].

Новая модель образования философов, равно как и взаимодействие с учеными, с одной стороны, вводило дополнительные требования к квалификации философа, чем существенно усложняла вход в профессию, с другой стороны – повышала ценность естественнонаучного образования: «Философский кредит выплачивается за счет перевода естественнонаучного капитала. В то же время не стоит преувеличивать важность двойных учебных программ: они остаются относительно малочисленными, хотя обладание специфическими компетенциями и становится условием для занятий философией науки. Эта тенденция усиливается на протяжении XX века: Жан Кавайес и Альбер Лотман были математиками, Жорж Дюма, Жорж Кангилем и Франсуа Дагоне были медиками» [Fabiani, 2010, p. 247]⁴.

Такая структура философского образования и требования к компетенциям эпистемолога послужила основой для формирования проекта французской исторической эпистемологии в том виде, который представлен нам классической триадой «Башляр – Кангилем – Фуко». В рамках данной институциональной структуры развивался проект «научной философии» – проект, ставшей теоретической основой для исторических эпистемологов, основные положения которого были сформулированы Абельем Реем.

Именно Абель Рей формулирует в начале XX века задачу философского исследования познания, закрепляя в качестве предмета философского интереса историю науки: «философ – это историк современной научной мысли. И он должен быть скрупулезным и верным историком. Эта задача сама по себе весьма тяжела, так как наука не однолинейна и ее прогресс не однолинеен» [Rey, 1909, p. 472]. Наука представляет собой квинтэссенцию человеческой познавательной деятельности, а содержание научных теорий – ее основной результат. Поэтому историческое исследование становления научных теорий и развития научных дисциплин становится для философа основным рабочим материалом, анализируя который он может сделать выводы относительно человеческого разума, не полагаясь при этом

⁴ Этому обстоятельству предшествует обращение к философии самих ученых: «Намечается тенденция, что философия науки становится делом ученых. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть, как ссылаются на этих авторов в учебниках: к ученым, в особенности Клоду Бернару и Анри Пуанкаре, чаще всего обращаются, когда нужно рассказать о методе или ценности научного познания. Трансформации научной деятельности и постоянное возрастание новых объектов научного исследования привели к появлению и развитию в XX веке философской литературы ученых» [Fabiani, 2010, p. 249].

на бесосновательные метафизические догмы. Аналогичный взгляд на историю науки поддерживал коллега Абеля Рея и руководитель диссертации Гастона Башляра Леон Брюнsvик: «философам нужна “лаборатория”, где они могли бы наблюдать разум за его работой, и такой лабораторией для философа становится история; он утверждал, что история для философа – то же самое, что и лаборатория для ученого» [Chimisso, 2008, p. 84].

Задача эпистемолога как историка науки, а истории – как лаборатории философа находит свое окончательное закрепление в работах Гастона Башляра, а его ученик – Жорж Кангилем, еще более радикализирует тезис о роли истории в эпистемологических исследованиях: «Принципиальная историчность науки у Кангилама также служит своего рода демаркацией: науку от не-науки отличает наличие у первой истории, то есть, история науки становится основным конституирующим элементом научного познания» [Braunstein, 2002, p. 933]. Однако общее направление развития исторической эпистемологии, по нашему мнению, было сформулировано именно Абедем Реем и его проектом научной философии, на основании которого, собственно, и были выстроены те академические институты, которые позволили сначала Башляру, а затем Кангилему сформулировать свои исследовательские программы.

Философия науки Абеля Рея строится вокруг его переосмысления и критики классического позитивизма, а также определения роли философии по отношению к естественным наукам: «первая задача философии, по единодушному взгляду тех, кого общее мнение считает властителями современной мысли – это “мыслить научно”» [Рей, 2010, с. 22], а «все проблемы современной философии ставятся по поводу науки» [Рей, 2010, с. 37]. **Научная философия и философия науки в данном случае – одно и то же. С одной стороны, наука должна быть включена в сферу предметов философского исследования, а с другой – само философское исследование должно ориентироваться на «добродетели» научной методологии: «Философия серьезная, живая, пользующаяся вниманием – это философия науки, научная философия, ибо наука занимает в нашей социальной, моральной и интеллектуальной жизни все более значительное, почетное место» [Рей, 2010, с. 33]⁵.**

Именно поэтому: «наука не должна отграничиваться от философии ни своим предметом (он у них один и тот же: давать отчет об опыте), ни методом (он должен быть у них одинаковым, ибо научная дисциплина является единственной, которая может удовлетворить наш ум)» [Рей, 2010, с. 251]. И если предмет науки и философии один и тот же,

⁵ Обратим внимание, что уже здесь намечается тенденция, которая впоследствии закрепляется во французской исторической эпистемологии: наука принимается в качестве очевидного исторического и социального факта, поэтому вопрос о ее основаниях не ставится.

то и цели их совпадает: «конечной целью философской работы является объяснение вещей» [Рей, 2010, с. 12]. Однако между философским и научным исследованием все же существуют различия: «Если наука объясняет, философия хочет продолжить еще дальше ее объяснения и, следовательно объяснить самое науку» [Рей, 2010, с. 15]. Принципиальное различие между философской и научной деятельностью заключается в том, что философия склонна к гораздо более широким обобщениям, которые не допустимы в естественнонаучных дисциплинах: «философскую точку зрения от научной отличает только то, что первая является более общей и всегда представляется немножко в виде авантюры. Она не заботится о скрупулезном и строгом контроле. Она везде желает видеть совокупность и иметь дело с совокупностью. Стремление сразу перескочить к обобщению заводит ее далеко от фактов и от того, что может быть проверено. Речь уже не идет больше о том, чтобы скромно выразить то, что открывает опыт, или ограничиваться гипотезами, которые идут рядом с опытом, исходят из опыта и к нему возвращаются. Бросаются резко в неизвестное, не сохраняя постоянных точек опоры. Этот скачок в неизвестное характеризует философский дух в противоположность духу научному [Рей, 2010, с. 252]. Поэтому Рей выстраивает своего рода иерархию по принципу доли обобщения, в которой философии науки отводится принципиально важная роль: «философия по отношению к науке, – к чистой науке по современной терминологии, – желает быть тем же, чем последняя является по отношению к обыденному знанию» [Рей, 2010, с. 15].

В некоторой степени проект Рея представляет собой переосмысление классического позитивизма, так как наука здесь представлена в качестве единственного легитимного способа познания мира: «Одной из существенных задач философии является поддержание той атмосферы обобщений, которая необходима для развития науки, для нормального сохранения и для диффузии научного духа. Она должна будет показать, как и в какой мере наука отвечает или сможет ответить на те человеческие запросы, которые всегда составляли привлекательность философских систем или религиозных верований; и почему на известные вопросы не может быть ответа, раз вопросы эти неправильно поставлены или в действительности совсем не существуют. Она должна будет показать, как и почему научная дисциплина одна способна удовлетворить наш дух в его поисках истины» [Рей, 2010, с. 253–254]. В то же время, Рей выступает против неоправданного материалистического редукционизма, свойственного для некоторых направлений позитивистской мысли, и который он полагает одним из видов догматизма. Роль философии в данном случае заключается в том, чтобы удержать естественнонаучную мысль от укоренения в догматизме такого типа: «Необходимо и необходимо абсолютно, чтобы завоевания науки и научного духа были защищены – в случае на-

добности вопреки им самим, – от слишком больших и легкомысленных претензий. Ибо необузданная смелость, которую представляют нам, например, некоторые материалистические обобщения, не менее опасна для престижа науки в глазах здоровых и честных умов, чем излишняя робость и приниженность ее в глазах широкой публики» [Рей, 2010, с. 253].

Однако, что же содержательно означает стремление «мыслить научно» и почему именно история науки становится здесь основным предметом философского интереса? По мысли Абелья Рея «в умственной области нужно бороться только с двумя вещами, ибо только они являются вредными: это догматизм и нетерпимость, везде, где бы они ни встретились» [Рей, 2010, с. 8]. Данная позиция идет в разрез со сложившимся в рамках академической философии взглядом на научную методологию как на набор неизменных и устоявшихся методологических принципов, о котором мы упоминали выше. Предположение, что научная методология может быть сведена к простому набору таких принципов, а потому уже объяснила природу научных исследований, ведет к догматизму, который вреден как для философии, так и для самой науки, так как извне навязывает ей чуждые способы исследования, игнорируя непосредственные научные практики. Поэтому Рей полагает, что «научная точка зрения должна [...] отличаться скромностью и не претендовать на непогрешимость, характерную для всякого рода догматизма, против которого она всегда боролась и который часто был столь опасен для нее» [Рей, 2010, с. 8]. В исторической эпистемологии данная точка зрения найдет свое отражение в тезисе о том, что создание общей философии *науки* невозможно, так как каждая научная дисциплина обладает своим предметом и методологией исследования, который, к тому же, постоянно развивается. Соответственно, в философских исследованиях речь может идти только о философии отдельных *наук*.

Попытка избежать догматизма и навязывания науки чуждых ей методологических принципов приводят к тому, что эпистемолог вынужден отказаться от двух классических для философской рефлексии над познанием фундаментов: метафизики и логики. Французская историческая эпистемология не принимает, с одной стороны, догматизм модернистских проектов, стремящихся выработать единые познавательные принципы, основываясь на необоснованных метафизических допущениях, с другой стороны – не подпадает под влияние логического эмпиризма, так как с подозрением относится к жестким нормативным конструкциям, внешним по отношению к научной практике. Единственным возможным полем исследования в данном случае становится история науки., так как именно она позволяет провести исследование познавательного процесса во-первых, содержательно, а во-вторых, в его непосредственной динамике.

Выводы

Историческая эпистемология как философская дисциплина, исследующая познание, наследует проектам философии науки XIX века, выросшим из исследований истории развития научных дисциплин. Выбор истории науки в качестве предмета для философской рефлексии представляется вполне закономерным, если принять во внимание два теоретических обстоятельства: (1) отказ от метафизики как от устаревшей/примитивной/безосновательной/догматичной формы философского познания и (2) отказ от логики или унифицированной методологии как от попыток философии навязать научным дисциплинам нормативную модель развития, которая не отражает сути научного поиска. История науки в качестве фундамента для эпистемологии как философской дисциплины приводит к тому, что: «Французская эпистемология не задается вопросом об основании науки. В этом отношении существует только один авторитет – сама наука в ее истории» [Braunstein, 2002, p. 928].

Относительная сложность получения квалификации эпистемолога по сравнению с другими сферами философского образования, равно как и наличие институциональных структур, направленных на подготовку эпистемологов определенного типа, привело к закреплению исторической эпистемологии как к единственной версии эпистемологии во Франции вплоть до 1980-х годов – периода начала «интервенции» аналитической философии во французскую академию. Создание философских академических институтов такого типа, равно как требования к квалификации философов науки, по нашему мнению, основываются на проекте научной философии Абелья Рея, который не только создал институциональные структуры, сформировавшие французских исторических эпистемологов середины XX века, но и выработал основные теоретические принципы, которые впоследствии были закреплены и развиты в их работах. И основным из этих принципов стала история науки в качестве основного предмета философского интереса, а также критерия философской рефлексии над научным познанием. Именно поэтому исторический подход в эпистемологии можно обозначить в качестве «нормальной эпистемологии», а формальные подходы, не обращающиеся к исторической практике научных исследований, рассматривать как историческую аномалию.

Список литературы

- Гавриленко, 2017 – *Гавриленко С.М.* Историческая эпистемология: Зона неопределенности и пространство теоретического воображения // *Epistemology & Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 20–28.
- Кротов, 2017 – *Кротов А.А.* Методология современных историко-философских исследований во Франции // *Вопр. философии*. 2017. № 6. С. 52–62.
- Пэнто, 2004 – *Пэнто Л.* Эскиз философского поля Франции в 1960–1980-е годы / Пер. с фр. А. Зайцевой // *Логос*. 2004. № 3–4 (43). С. 205–230.
- Рей, 2010 – *Рей А.* Современная философия: проблемы происхождения, цели и последней сущности вещей. / Пер. с фр. Д.Л. Вайса. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 264 с.
- Столярова, 2018 – *Столярова О.Е.* Историческая онтология как проблема // *Вест. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 194–202.
- Сулье, 2004 – *Сулье Ш.* Анатомия философского вкуса / Пер. с фр. А. Зайцевой // *Логос*. 2004. № 3–4 (43). С. 123–170.
- Фабиани, 2004 – *Фабиани Ж.-Л.* Философы республики. Пространство возможного: французская философия на рубеже XIX–XX вв. / Пер. с фр. О. Тимофеевой // *Логос*. 2004. № 3–4 (43). С. 91–122.
- Шиповалова, 2017 – *Шиповалова Л.В.* Стоит ли науку мыслить исторически? // *Epistemology & Philosophy of Science*/Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18–28.
- Braunstein, 2002 – *Braunstein J.-F.* Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le «style français» en épistémologie // *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002. P. 920–963.
- Braunstein, 2006 – *Braunstein J.-F.* Abel Rey et les débuts de l'Institut d'histoire des sciences et des techniques (1932–1940) // *L'épistémologie française, 1830–1970*. Paris: PUF, 2006. P. 173–191.
- Braunstein, 2012 – *Braunstein J.-F.* Historical Epistemology, Old and New // *Epistemology and History. From Bachelard and Canguilhem to Today's History of Science* / Eds.: J.-F. Braunstein, H. Schmidgen, P. Schöttler. Paris: Max Planck Institute for the History of Science, 2012. P. 33–41.
- Brenner, 2005 – Brenner A. Réconcilier les sciences et les lettres: Le rôle de l'histoire des sciences selon Paul Tannery, Gaston Milhaud et Abel Rey // *Revue d'histoire des sciences*. 2005. Vol. 58. № 2. Pp. 433–454.
- Brenner, 2006 – *Brenner A.* Un “positivisme nouveau” en France au début du XX siècle (Milhaud, le Roy, Duhem, Poincaré) // *L'épistémologie française, 1830–1970*. Paris: PUF, 2006. P. 11–25.
- Chimisso, 2008 – *Chimisso C.* Writing the history of the Mind: philosophy and science in France, 1900 to 1960. Aldershot: Ashgate Publ. Ltd., 2008. 209 p.
- Couturat, 1896 – *Couturat L.* De l'infini mathématique. Paris: Alcan, 1896. 667 p.
- Couturat, 1901 – *Couturat L.* Lexique philosophique // *Russell B.* Essai sur les fondements de la géométrie. Paris: Gauthier-Villars, 1901. P. 255–260.
- Engel, 2002 – *Engel P.* La philosophie analytique en France: un bilan institutionnel. Actes du 3ème colloque de la SOPHA. La normativité // *Cahiers de philosophie de l'université de Caen*. 2001. No. 37. P. 467–480.

- Engel, 2005 – *Engel P.* Introduction générale // Philosophie de la connaissance: Croyance, connaissance, justification. Paris, 2005. P. 7–29.
- Fabiani, 2010 – *Fabiani J.-L.* Qu'est-ce qu'un philosophe français? Paris: Editions d'EHESS, 2010. 316 p.
- Feest, Sturm, 2011 – *Feest U., Sturm T.* Historical Epistemology or History of Epistemology? // *Erkenntnis*. 2011. Vol. 75 (3). P. 285–302.
- Ferrier, 1854 – *Ferrier J.F.* Institutes of metaphysic: the theory of knowing and being. Edinburgh: W. Blackwood, 1854. 530 pp.
- Gutting, 2001 – *Gutting G.* French Philosophy in the Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 419 p.
- Laland, 2010 – *Vocabulaire technique et critique de la philosophie*. 18 édition / Ed. by Laland A. Paris: PUF, 2010. 1376 p.
- Laugier, 2002 – *Laugier S.* De la logiques de la science aux révolutions scientifiques // Wagner P. (ed.). *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002. P. 964–1016.
- Laugier, 2006 – *Laugier S.* Duhem, Meyerson et l'épistémologie américaine postpositiviste // *L'épistémologie française, 1830–1970*. Paris: PUF, 2006. P. 67–91.
- Lecourt, 1978 – *Lecourt D.* Pour une critique de l'épistémologie (Bachelard, Canguilhem, Foucault), Paris: Maspero, 1978. 134 p.
- Meyerson, 1908 – *Meyerson É.* Identité et réalité. Paris: F. Alcan, 1908. 432 p.
- Parodi, 1930 – *Parodi D.* Du positivisme à l'idéalisme philosophiques d'hier. Paris: Vrin, 1930. 227 p.
- Petit, 1995 – *Petit A.* L'héritage du positivisme dans la création de la chaire d'histoire générale des sciences au Collège de France // *Revue d'histoire des sciences*. 1995. Vol. 48. No. 4. P. 521–556.
- Rey, 1909 – *Rey A.* Vers le positivisme absolu // *Revue philosophique de la France et de l'Étranger*. 1909. T. 67. P. 461–479.
- Russo, 1974 – *Russo F.* Épistémologie et histoire des sciences // *Archives de Philosophie*. 1974. Vol. 37. No. 4. P. 617–657.
- Soler, 2009 – *Soler L.* Introduction à l'épistémologie. Paris: Ellipses, 2009. 335 p.
- Wagner, 2002 – *Wagner P.* Introduction // Wagner P. (ed.). *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002. P. 9–65.

References

- Braunstein, J.-F. “Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le ‘style français’ en épistémologie”, in: *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002, pp. 920–963.
- Braunstein, J.-F. “Abel Rey et les débuts de l'Institut d'histoire des sciences et des techniques (1932–1940)”, in: *L'épistémologie française, 1830–1970*. Paris: PUF, 2006, pp. 173–191.
- Braunstein, J.-F. “Historical Epistemology, Old and New”, in: Braunstein, J.F.; Schmidgen, H.; Schöttler, P. (eds.). *Epistemology and History. From Bachelard and Canguilhem to Today's History of Science*. Paris: Max Planck Institute for the History of Science, 2012, pp. 33–41.

Brenner, A. "Réconcilier les sciences et les lettres: Le rôle de l'histoire des sciences selon Paul Tannery, Gaston Milhaud et Abel Rey", *Revue d'histoire des sciences*, 2005, vol. 58, no. 2, p. 433-454.

Brenner, A. "Un "positivisme nouveau" en France au début du XX siècle (Milhaud, le Roy, Duhem, Poincaré)", in: *L'épistémologie française, 1830-1970*. Paris: PUF, 2006, pp. 11-25.

Chimisso, C. *Writing the history of the Mind: philosophy and science in France, 1900 to 1960*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2008. 209 pp.

Couturat, 1896 – Couturat, L. *De l'infini mathématique*. Paris: Alcan, 1896. 667 pp.

Couturat, L. "Lexique philosophique", in: Russell, B. *Essai sur les fondements de la géométrie*. Paris: Gauthier-Villars, 1901, pp. 255-260.

Engel, P. "La philosophie analytique en France: un bilan institutionnel. Actes du 3ème colloque de la SOPHA. La normativité", *Cahiers de philosophie de l'université de Caen*, 2001, no. 37, pp. 467-480.

Engel, P. "Introduction générale", in: *Philosophie de la connaissance: Croyance, connaissance, justification*. Paris, 2005, pp. 7-29.

Fabiani, J.-L. "Filosofy respubliki. Prostranstvo vozmozhnogo: francuzskaja filosofija na rubezhe XIX–XX vv" [Philosophers of the Republic: Range of Possibility and XIX-XX French Philosophy], *Logos*, 2004, no. 3–4 (43), pp. 91-122. (In Russian)

Fabiani, J.-L. *Qu'est-ce qu'un philosophe français?* Paris: Editions d'EHSS, 2010. 316 pp.

Feest, U.; Sturm, T. "Historical Epistemology or History of Epistemology?", *Erkenntnis*, 2011, vol. 75 (3), pp. 285-302.

Ferrier, J.F. *Institutes of Metaphysic: the Theory of Knowing and Being*. Edinburgh: W. Blackwood, 1854. 530 pp.

Gavrilenko, S. M. "Istoricheskaja epistemologija: Zona neopredelennosti i prostranstvo teoretieskogo voobrazhenija" [Historical epistemology: zone of uncertainty and space for theoretical imagination], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 20-28. (In Russian)

Gutting, G. *French Philosophy in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 419 pp.

Krotov, A. A. "Metodologija sovremennyh istoriko-filosofskih issledovanij vo Francii" [The Methodology of Modern Researches in the History of Philosophy in France], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 6, pp. 52–62. (In Russian)

Laland, A. (ed.). *Vocabulaire technique et critique de la philosophie*. 18 éd. Paris: PUF, 2010. 1376 pp.

Laugier, S. "De la logiques de la science aux révolutions scientifiques", in: Wagner, P. (ed.). *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002, pp. 964-1016.

Laugier, S. "Duhem, Meyerson et l'épistémologie américaine postpositiviste", in: *L'épistémologie française, 1830-1970*. Paris: PUF, 2006, pp. 67-91.

Lecourt, D. *Pour une critique de l'épistémologie (Bachelard, Canguilhem, Foucault)*. Paris: Maspero, 1978. 134 pp.

Meyerson, É. *Identité et réalité*. Paris: F. Alcan, 1908. 432 pp.

Parodi, D. *Du positivisme à l'idéalisme philosophiques d'hier*. Paris: Vrin, 1930. 227 pp.

Petit, A. “L’héritage du positivisme dans la création de la chaire d’histoire générale des sciences au Collège de France”, *Revue d’histoire des sciences*, 1995, vol. 48, no. 4, pp. 521-556.

Pinto, L. “Eskiz filozofskogo polja Francii v 1960–1980-e gody”, *Logos*, 2004, no. 3–4 (43), pp. 205-230. (In Russian)

Rey, A. “Vers le positivisme absolute”, *Revue philosophique de la France et de l’Étranger*, 1909, vol. 67, pp. 461-479.

Rey, A. “Sovremennaja filosofija: problemy proishozhdenija, celi i poslednej sushhnosti veshhej” [Contemporary Philosophy: Problems of its Genesis, Goals and the Final Essence of Things, 2nd ed.]. Moscow: LIBROKOM, 2010. 264 pp. (In Russian)

Russo, F. “Épistémologie et histoire des sciences”, *Archives de Philosophie*, 1974, vol. 37, no. 4, pp. 617-657.

Shipovalova, L. V. “Stoit li nauku myslit’ istoricheski?” [Should we conceive science outside the history?], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 18-28. (In Russian)

Soler, L. *Introduction à l’épistémologie*. Paris: Ellipses, 2009. 335 pp.

Stoliarova, O. E. “Istoricheskaja ontologija kak problema” [Historical Ontology as a Problem], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2018, no. 45, pp. 194-202. (In Russian)

Soulié, Ch. “Anatomiya filozofskogo vkusa” [The Anatomy of Philosophical Taste], *Logos*, 2004, no. 3–4 (43), pp. 123-170. (In Russian)

Wagner, P. “Introduction”, in: Wagner, P. (ed.). *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002, pp. 9-65.